

Наука и идеология — взаимоисключающие вещи

В.М. Межуев, доктор философских наук

Давайте более четко обозначим обсуждаемую нами тему, т. к. я уже перестал понимать, о чем мы здесь говорим. В своем первом докладе я уже ставил вопрос о том, возможна ли государственная идеология. Но тогда мы его так и не обсудили, а теперь вновь воз-

вращаемся к тому же самому.

У меня нет претензий к исторической части доклада, хотя поставленная проблема — не просто историческая, а правовая и философско-политическая. Рассуждая чисто логически, следует, прежде всего, задаться вопросом: если государство нуждается в идеологии, то кто может ее предложить, откуда эта идеология должна браться? Об этом мы спорили уже на первом семинаре. С.С. Сулакшин утверждал, что из науки. Другие, насколько я понимаю, склонялись к тому, что искать ее надо в религии. Что касается науки, то, по моему мнению, наука и идеология — взаимоисключающие вещи. Когда-то мы, конечно, говорили о научной идеологии, но этого даже у Маркса нет. Маркс был критиком любой идеологии, он считал свою теорию не идеологией, а наукой. Назвать же идеологией религию — значит, по-моему, сильно унижить ее. Люди верят в Бога, а не в идею.

Откуда же берутся идеологии, существование которых, разумеется, нельзя отрицать? Если среди них есть государственная, то должны быть и государственные идеологи. Идеолог, получается, тот, на кого в этом качестве укажет власть. Это мы уже проходили.

Есть и другая сторона того же вопроса. Государство, ориентированное на определенную идеологию, превращая ее в свою монополию, в господствующую идеологию, исключает

ющую все остальные, есть тоталитарное государство. Тоталитаризм, в отличие от монархии и самодержавия, — есть власть одной идеологии, осуществляемая средствами политического диктата и насилия, ибо других у государства нет.

Идейное насилие — самый страшный вид насилия. В христианстве оно привело к инквизиции, в политике является причиной гонений и преследований всех инакомыслящих. Логика тоталитарной власти: не власть ради власти, а ради торжества определенной идеи. А если эта идея утопическая? Во имя нее ведь можно исковеркать жизнь не одного поколения людей! Власть одной идеологии, да еще поддерживаемая всей мощью государственного репрессивного аппарата, смертельно опасна для любого общества.

Важно понимать, что государство — это, прежде всего, аппарат, машина со своей сложной системой власти и исполнительными органами. Эту машину можно разогнать в любую сторону. Все зависит от водителя. Но по какому бы маршруту водитель (политик) не вел машину, какой бы идеологии он не придерживался, он должен управлять машиной по определенным правилам или законам, иначе разобьет машину вдребезги. Если в чем и нуждается государство, так это в праве, в правовом законодательстве. Оно и содержит в себе основную инструкцию по управлению государственной машиной. А право — это все-таки не идеология, а нечто вроде математики: ее нормы и принципы обязательны для любого политика. Наш правовед Нерсисянц, вслед за Аристотелем, называл право математикой свободы.

Я думаю, никакая идеология не может претендовать на статус государственной. Идеология может быть только партийной. Она содержит в себе программу действия для определенной партии, которая может победить в борьбе за власть, а может и находиться к существующей власти в оппозиции. Сколько партий, столько и идеологий, а какая из них преобладает на данный момент — определяется исключительно демократическими процедурами, а не постановлениями свы-

ше, от кого бы они не исходили. Хуже нет, когда идеология людей, находящихся у власти, объявляется единственной верной и истинной, а все остальные искореняются в качестве идеологической заразы. Неужели мы хотим повторения того, что уже было в нашей истории? Что заставляет нас наступать на одни и те же грабли? Вот чего я не понимаю.

Вопрос (В.М. Клычников):

Почему Англия не хочет подписать Социальную хартию Евросоюза? Почему — если в Англии демократия — позиция этой страны торпедировала принятие европейской конституции?

В.М. Межуев:

Если Вы о суверенитете, то демократия не исключает, конечно, национально-государственного суверенитета, но и не означает наличия у каждой страны своей, особой, ни на кого не похожей демократии. Англия, как демократическая страна (независимо от того — признает она или не признает общеевропейскую конституцию), не нарушает общих для всех основ демократического строя — состязательности партий, выборности властей и их периодической сменяемости, политической конкуренции и пр. Чем, собственно, является демократия для любой страны? Обычно под ней понимают власть народа. Но это не совсем точно. Демократия — власть не любого народа (тогда это была бы власть этноса, этнократия), а власть народа, где каждый лично свободен. Иное дело, откуда у людей берется сознание своей свободы, своих неотчуждаемых прав? Они ведь не рождаются таковыми. Для России этот вопрос основной. И вопрос тут не просто в идеологии, которая сделает их свободными, а в наличии у них реальной потребности и способности жить в свободе, без чего, конечно, ни о какой демократии говорить не приходится.

Рост правосознания и служит главным критерием готовности народа к демократии, а существующий в обществе (и во власти) правопорядок — мерой его вхождения в демократию.

Вопрос (А.Л. Андреев):

Почему все самые крупные греческие мыслители не были сторонниками демократии? Ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель...

В.М. Межуев:

Да, Платон был сторонник аристократической формы правления. Но Платон и Аристотель жили в условиях кризиса афинского полиса. И если Платон, будучи консерватором, указал на Египет как на пример для подражания, то Аристотель, оставаясь приверженцем демократии, хотел эллинизировать Восток с целью сохранения идеала греческого полиса. Что, кстати, и попытался сделать его ученик Александр Македонский, создав — правда, по восточному образцу — первую империю западного типа, которая быстро распалась после его смерти. Произошла не эллинизация Востока, а своеобразная ориентализация Запада. Но это тема для другого разговора.

«Нужна ли демократия России?» — вы так ставите вопрос. И кому она здесь нужна? Но тогда ответьте: кого в России можно считать свободными людьми, которые не могут жить вне демократии? Носителями свободлюбивых, либеральных, просветительских идей в России были, прежде всего, представители русского дворянства — экономически относительно свободного сословия. После Николая I, сломившего республиканские устремления русской аристократии, на сцену вышли разночинцы с их революционным демократизмом и апелляцией к народу. Потом появились социал-демократы и большевики со своей верой в пролетарскую и социалистическую демократию. Никто не привел Россию к демократии. Почему? В общем виде ответ ясен: историческая и культурная неготовность к ней основной, преимущественно крестьянской, массы русского (да и не только русского) народа, что, тем не менее, никак нельзя возводить в общественный идеал для самой России и для остального мира.

Отсталость не может быть нормой, а попытка выдать ее за желаемый для нас образ жизни — путь в никуда.